

Леонов Иван Владимирович

ОСНОВНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ И ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ПОЗНАНИЯ МАКРОИСТОРИИ

Настоящая статья посвящена изучению сущностных сторон процесса познания макроистории. В работе дается категориальный анализ и общая характеристика макроисторической проблематики. В контексте парадигмального подхода осуществляется ее краткий историографический обзор. Рассматривается вопрос выявления, изучения и систематизации транспарадигмальных компонентов отмеченного ноогенеза на уровне "исследовательских гештальтов" и "метапаттернов", а также компонентов частного уровня, к которым относятся "устойчивые идеи", формирующие "тематические структуры" сознания. Осуществляется поиск логики образования "тематических сопряжений" в ходе формирования метапаттернов истории.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/12-3/26.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (26): в 3-х ч. Ч. III. С. 103-110. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. **Лотман Ю., Цивьян Ю.** Диалог с экраном. Таллинн: Александра, 1994. 214 с.
2. **Фокс Б.** Анимация в 3ds max 6: от замысла до создания мультфильма / пер. с англ. И. Берштейн. М.: Вильямс, 2005. 512 с.
3. **Чхартишвили Г.** Кладбищенские истории. М.: КоЛибри, 2005. 224 с.
4. **How to Draw Manga: Making Anime.** Tokyo: Graphic-Sha Publishing, 2003. 136 p.
5. **Wasylak K.** Need for Speed: Anime, the Cinematic, and the Philosophical // Children's Literature Association Quarterly. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2010. Vol. 35. P. 427-434
6. **Webb M.** Manga by Any Other Name Is... Do Japan's World-Conquering Cartoons Have to Be Created by Japanese to Be the Real Deal? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.japantimes.co.jp/text/fl20060528x1.html> (дата обращения: 30.09.2012).

FORMATION OF ANIME, ITS DISTINCTIVE STYLISTIC FEATURES, DIFFERENCES FROM MANGA AND ARTISTIC-TECHNOLOGICAL STAGES OF CREATION**Vladimir Yur'evich Leonov***Department of Culture Theory and History
Moscow Academy of Education of Natal'ya Nesterova
dante7r@yandex.ru*

The author discusses the creation of anime, its difference from manga – the related direction of fine art, pays attention to the main stages of anime development in the first half of the XXth century, reveals the influence of limited animation method, the works of some artists and studios, colour as a part of symbolic-graphical system on the formation of anime stylistics, considers major differences between manga and anime, and shows the features of the artistic-technological process of their creation.

Key words and phrases: anime; manga; art; stylistic features; graphics; symbol; genre; aesthetics; plot; character; limited animation; artistic-technological stage.

УДК 008

Культурология

Настоящая статья посвящена изучению сущностных сторон процесса познания макроистории. В работе дается категориальный анализ и общая характеристика макроисторической проблематики. В контексте парадигмального подхода осуществляется ее краткий историографический обзор. Рассматривается вопрос выявления, изучения и систематизации транспарадигмальных компонентов отмеченного ноогенеза на уровне «исследовательских гештальтов» и «метапаттернов», а также компонентов частного уровня, к которым относятся «устойчивые идеи», формирующие «тематические структуры» сознания. Осуществляется поиск логики образования «тематических сопряжений» в ходе формирования метапаттернов истории.

Ключевые слова и фразы: макроистория; ноогенез; сознание; интеллект; парадигма; гештальт; ноогенетический паттерн; метапаттерн; тематическая структура.

Иван Владимирович Леонов, к. культурологии*Кафедра теории и истории культуры**Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург
ivaleon@mail.ru***ОСНОВНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ И ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ПОЗНАНИЯ МАКРОИСТОРИИ[©]**

Приступая к анализу заявленной в заглавии проблематики, в первую очередь необходимо остановиться на характеристике рассматриваемой предметной области и ее категориального обозначения, поскольку для построения научных концепций изучаемого ноогенеза данный вопрос в определенной степени является системообразующим.

Предметная область макроистории включает в себя довольно обширный пласт исследований, содержанием которых является построение научных концепций культурно-исторического процесса на самом общем, универсальном уровне. Для отмеченных концепций характерно оперирование достаточно протяженными пространственными и временными длительностями, а также поиск смысла и общей логики исторического процесса, включая стартовую и финальную фазу.

В данном случае следует отметить, что макроисторических исследований, созданных в рамках собственно исторической науки, не так много. Это является следствием того, что познавательный вектор исторического

знания в большинстве исследований получает направленность в первую очередь на конкретно-исторический уровень, а именно на поиск «исторической истины», выраженный в реконструкции четких событийных последовательностей, хроноструктурных фиксаций и установлении разного рода причинно-следственных связей. В результате главный вопрос, который интересует ученого в контексте отмеченного исследовательского вектора, можно сформулировать следующим образом – «Где, как, когда и почему это было?».

В отношении к исторической и некоторым другим наукам функцию метаисторического объяснения выполняет философия истории. Именно в рамках философии истории создаются концепции, которые, принимая парадигмальный характер, задают направление развитию исторического знания на многие годы.

Однако предметная область макроисторических исследований далеко не ограничивается философией истории и собственно исторической наукой, охватывая широкое междисциплинарное пространство. Связано это с тем, что, начиная с XVIII века, в европейской философии и научном знании обозначился растущий интерес к осмыслению общих закономерностей культурно-исторической реальности. Конечно, концепции, содержащие макроисторические элементы, появлялись и ранее, начиная от Сыма Цяня и Полибия в Древнем Мире, заканчивая некоторыми идеями Н. Макьявелли в эпоху Ренессанса. Но XVIII век породил целую плеяду исследователей, интересовавшихся универсальными законами исторического развития общества, культуры и искусства в контексте классической парадигмы додисциплинарного периода, к таковым относятся Дж. Вико, И.-И. Винкельман, И.-Г. Гердер, Ж.-А. Кондорсе и др. В XIX веке, в период господства классической парадигмы дисциплинарного периода, отмеченная тенденция только усиливалась, проявившись в трудах Сен-Симона, О. Конта, Г. Спенсера, Гегеля, К. Маркса, В. И. Ленина и др. В конце XIX – первые десятилетия XX века, в эпоху кризиса классической и становления неклассической научной парадигмы макроисторическая проблематика нашла свое отражение в работах Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, О. Шпенглера, Е. Н. Трубецкого, Ф. Ницше, Н. Д. Кондратьева, А. Л. Чижевского, Й. Хейзинги, Х. Ортега-и-Гассета, Н. А. Бердяева, А. Швейцера, С. Л. Франка и др.

В результате к отмеченному периоду макроисторическая проблематика, являясь своеобразным базисом в построении культурно-исторических концепций, нашла свое отражение в таких науках, как социология, политология, этнология, археология, история искусства, экономика и некоторых других, породив целый пласт исследований. Однако, к сожалению, приходится констатировать, что рост интереса ученых к вопросам макроистории не привел к оформлению четкой исследовательской области, породив большое количество параллельных исследований макропроцессов развития истории, культуры и общества, предметную «размытость» изучаемой проблематики на частнонаучном уровне и путаницу в построении научных трактовок развития изучаемого ноогенеза, от уровня методологии, частных теорий и вплоть до категориальных и понятийных различий. Говоря более простым языком, представители различных наук, касаясь макроисторической проблематики и фактически изучая одно проблемное поле, не имея выхода на междисциплинарный уровень осмысления макроисторических процессов, оставаясь в предметных рамках отдельных дисциплин и используя различные «научные языки», дублируя и повторяя друг друга, многократно переоткрывали одно и то же. Более того, данные тенденции находят свое господствующее проявление в науке и по настоящее время.

Начиная с середины XX и вплоть до начала XXI века, в период доминирования, соответственно, неклассической и постнеклассической парадигм, ситуация начала несколько меняться, отразившись в работах М. Блока, Ф. Броделя, Л. Февра, П. А. Сорокина, К. Ясперса, А. Кребера, А. Тойнби, Л. Н. Гумилева, Л. Уайта, М. С. Кагана, Ю. М. Лотмана, А. П. Назаретяна, В. С. Степина, И. Валлерстайна, Д. С. Лихачева, А. С. Ахизера, В. Е. Багно, А. Я. Флиера, Э. С. Маркаряна, К. М. Кантора, И. М. Дьяконова, П. К. Гречко, С. П. Капицы, С. П. Курдюмова, Г. Г. Малинецкого, В. М. Петрова, Н. А. Хренова и др. В результате в последние четыре десятилетия макроисторическая проблематика вышла на междисциплинарный уровень, вплоть до контакта с негуманитарными науками!!! Наиболее яркими примерами развития отмеченной проблематики на стыке многих дисциплин являются исследования, относящиеся к предметной сфере культурологии, а также работы, созданные в рамках системно-синергетических исследований макроистории. Кроме того, тенденции междисциплинарного синтеза в отмеченной области нашли свое проявление и в других науках, в первую очередь в истории и социологии. Однако все же приходится резюмировать, что данный процесс идет достаточно медленно и пока не имеет определяющего характера.

Таким образом, исходя из анализа предметного поля макроисторической проблематики, вполне уместно констатировать его качественный рост на протяжении трех последних столетий, выход за пределы собственно исторического знания, растущий уровень междисциплинарности, а также слабую научную оформленность как самостоятельной и предметно-очерченной исследовательской области.

Относительно вопроса категориального обозначения сферы макроисторических исследований ситуация не менее противоречива. Дело в том, что во многом благодаря отмеченным выше особенностям развития макроисторической проблематики, вполне очевидное и довольно легко объяснимое смысловое значение рассматриваемой области породило в научном знании достаточно весомое количество категорий, так или иначе отражающих ее обозначение. В частности, примерами категорий, используемых для фиксации сферы макроисторического, являются следующие: «макроистория», «метаистория», «универсальная история», «миросистемный анализ», «история цивилизаций», «история мировой культуры», «макродинамика культуры», «социально-историческая реальность», «культурно-историческая реальность» и многие другие. Исходя из отмеченной ситуации, приходится констатировать отсутствие категориального единства в обозначении макроисторических исследований в современном знании.

Тем не менее, при всех названных особенностях рассматриваемой проблематики, изучение ряда макроисторических концепций, созданных в различных областях знания за последние несколько столетий, позволяет констатировать устойчивый ноогенетический процесс, направленный на раскрытие вопросов макроистории. Изучение отмеченного ноогенеза на междисциплинарном уровне, а именно выявление основных «ноогенетических магистралей», раскрытие форм его реализации, включая парадигмальный анализ и изучение структурных компонентов данного процесса, представляют собой серию актуальных вопросов, решение которых позволит выработать общую методологию, категориально упорядочить и систематизировать существующие исследования макроистории.

В первую очередь необходимо отметить, что рассмотрение изучаемого ноогенеза в контексте традиционной линейной или парадигмальной модели развития науки как поэтапного восхождения в направлении к «абсолютной истине» дает неполную картину развития знания в данной области и не приносит желаемых результатов. Связано это, во-первых, с «растворенностью» макроисторических исследований в междисциплинарном пространстве. Во-вторых, с высокой степенью параллельных и дублирующих друг друга исследований в отмеченном проблемном поле. И, в-третьих, сравнительный анализ макроисторических концепций, созданных на разных этапах истории науки, позволяет фиксировать периодические возвраты исследователей к некоторым основополагающим идеям и теориям, которые время от времени реанимируются в буквальном или несколько измененном виде. Более того, данные идеи и теории, нередко противореча друг другу, устойчиво сосуществуют в науке и с переменным успехом поочередно доминируют. Перечисленные обстоятельства затрудняют построение простых линейных парадигмальных последовательностей отмеченного ноогенеза, в которых каждая последующая парадигма, сменяя предыдущую, олицетворяет качественный рост знания. Однако названные факторы вовсе не означают полного отрицания момента роста знания в сфере исследований макроистории, они, скорее, показывают, что изучаемый ноогенез носит специфический и достаточно сложный характер, и все попытки его упрощенного истолкования не в состоянии раскрыть природу развития знания в данной области.

Конечно, наличие парадигмального феномена в сфере познания макроистории несомненно и вполне соотносится с основными этапами развития науки (классическим, неклассическим и постнеклассическим). Дело в том, что на том или ином этапе развития знания парадигму формирует определенный комплекс научных достижений, и под воздействием данного «интеллектуального фона» происходит своеобразная мутация всего научного содержания. Однако данный процесс не абсолютен и не сводим к цепи отрицающих друг друга качественно-новых способов видения макроистории, между которыми лежат революционные переходы, поскольку как такового полного отрицания прежних способов видения макроистории в ходе смены парадигм не наблюдается. В данном случае происходит, скорее, достраивание различных подходов в соответствии с парадигмальным влиянием, и, как следствие, временное доминирование наиболее соответствующих парадигме и угасание несоответствующих. В результате формальное структурирование парадигмальных последовательностей изучаемого ноогенетического процесса позволяет лишь частично раскрыть его внутреннюю сложность. Чтобы картина развития макроисторических исследований была полной, важно включить в генезис отмеченного знания «транспарадигмальные» компоненты, такие, как наличие различных способов объяснения макроистории, а также многочисленные возвраты научного сообщества к определенным основополагающим идеям и их комплексам.

Вопрос параллельного сосуществования различных способов истолкования макроистории требует отдельного внимания, поскольку в определенной степени наличие данного множества может быть истолковано как отсутствие поступательного развития науки. Данное обстоятельство ведет к падению авторитета концепций линейного роста знания, в частности, парадигмального подхода, и популяризации теорий, в которых ноогенез предстает как одновременное соразвитие различных способов видеть познаваемую реальность.

На уровне философии науки отмеченные тенденции находят свое отражение в работах И. Лакатоса, в которых автор рассматривает генезис научного знания в контексте соразвития определенного числа «научно-исследовательских программ». Схожие взгляды на процесс развития знания содержатся в исследованиях Дж. Холтона, а именно в его концепции «тематического анализа науки». Также в данном перечне необходимо упомянуть работы П. Фейерабенда, в которых автор пропагандирует эвристическую пользу и правомерность фактически любых сосуществующих форм познавательной деятельности.

Большой потенциал в изучении транспарадигмальных компонентов знания представляет гештальтпсихология (Х. Эренфельс, Ф. Перлз, М. Вертгеймер), включая дальнейшие разработки основополагающих идей данной отрасли знания в различных науках. На основании достижений гештальтпсихологов в развитии познавательной активности субъекта, направленной на осмысление сферы макроистории, уместно констатировать наличие некоторого числа сосуществующих «исследовательских призм», или «гештальтов», лежащих в основе «распознавания» объективной реальности, начиная от индивидуального уровня и заканчивая коллективным уровнем, охватывающим представителей различных этносов, культур и цивилизаций. В частности, говоря о специфике понимания реальности в отдельных культурах, О. Шпенглер отмечал качественные различия восприятия мира у представителей различных культур на уровне неповторимых гештальтов. Из этого автор делал вывод, согласно которому полное тождество в восприятии и интерпретации реальности между разными культурами фактически невозможно [13].

В сфере изучения генезиса макроисторических исследований, затрагивающих предметное поле философии истории, истории, культурологии, социологии и некоторых других дисциплин, работ, посвященных

изучению транспарадигмальных компонентов отмеченного ноогенеза, не так много. В частности, анализ развития некоторых ноогенетических структур и их целостностей, пронизывающих процесс развития знания о макроистории, содержится в фундаментальных работах П. А. Сорокина, Е. Н. Князевой, В. В. Васильковой и др. Среди комплексных исследований рассматриваемого ноогенеза выделяются работы И. М. Савельевой и А. В. Полетаева, в которых авторы систематизируют и изучают логику развития научных представлений об истории, начиная с уровня развития отдельных идей и теорий и заканчивая осмыслением генезиса знания об основных смыслах, моделях и параметрах культурно-исторического процесса [9].

Весомый вклад в разработку транспарадигмальных компонентов изучаемого ноогенеза внес П. К. Гречко. В частности, анализируя сложность и неоднородность процесса познания социально-исторической реальности, автор указывает на постоянное сопричастие в отмеченном ноогенезе нескольких наиболее общих способов ее толкования. Данные способы, по мнению автора, имеют архетипическое происхождение, коренятся глубоко в сознании познающего субъекта, предпочитают им, поскольку не опровергаются, и дают исчерпывающее объяснение культурно-исторической реальности на самом универсальном уровне. Обозначая отмеченные способы понимания истории, автор вводит понятие «метапаттерн». Метапаттерны, по мнению П. К. Гречко «...представляют предельно глубокий, экстралогический уровень исторической реальности» [2, с. 24] и выступают как способ и результат ее структурализации. Метапаттерны исполняют роль устойчивых и конкурирующих между собой способов объяснения истории, в которые упираются все врожденные идеи и априори сознания. Метапаттерны имеют тесную сопряженность с уровнем философии истории и служат своеобразным базисом, или интегративным началом, для развития и конкретизации представлений о социально-исторической реальности как отдельного ученого, так и научного сообщества в целом, поскольку последняя познается не иначе как только через призму метапаттернов.

Первоначально П. К. Гречко предложил несколько смешанный перечень метапаттернов, в частности, фиксируя циклический, линейный, спиральный, ковариативный («осевой»), ризомный метапаттерны. Кроме того, несколько расширяя рамки единого типологического ряда, автор называет метапаттерны утопии и, кроме того, справедливости (как метапаттерны смысла). В более поздней редакции научного текста П. К. Гречко сократил перечень рассматриваемых метапаттернов, взяв за основу типологию, фактически соответствующую собственно только моделям или схемам макроистории, в частности обозначив циклический, линейный, спиральный, ковариантно-осевой и ризомный метапаттерны. Однако следует отметить, что, по мнению автора, данный перечень метапаттернов не является исчерпывающим, поскольку «Истории, естественно, никто/ничто не запрещает ходить и по другим путям, вычерчивать другие фигуры. <...> И от этого осмысление исторического процесса в терминах метапаттернов становится еще более неоднозначным» [10, с. 72].

В данном случае вопрос фиксации исчерпывающего перечня метапаттернов не столь значим, сколь значимо инициируемое П. К. Гречко целое направление научных исследований, выраженное в разработке идеи сопричастия в сознании устойчивых ноогенетических метапаттернов, лежащих в основе формирования представлений об истории. Говоря о продолжении исследований «метапаттерновой структурированности истории», сам автор указывает, что его работа «...не претендует, разумеется, на охват всех метапаттернов истории». Цель автора более скромная и простая – показать нетривиальность уже наработанного в данной области материала и пригласить к поиску новых, действительно прорывных метапаттернов истории» [2, с. 25].

Таким образом, анализ транспарадигмальных компонентов процесса познания макроистории с опорой на основополагающие идеи работ представителей философии науки, гештальтпсихологии и концепции целостного постижения истории при помощи метапаттернов позволяет сформулировать внутри данного направления несколько частных проблемных блоков, требующих дальнейшей научной разработки:

- во-первых, решения требует вопрос определения теоретико-методологических оснований изучения всего комплекса транспарадигмальных или структурных компонентов познания макроистории;
- во-вторых, необходимо установить масштаб и критерии для фиксации метапаттернов или исследовательских гештальтов, а также изучить глубинные основания, лежащие в основе их возникновения, на уровне осмысления сущностных характеристик сознания и идеальных моделей отмеченных феноменов;
- в-третьих, актуальной остается проблема периодической реанимации и угасания метапаттернов в развитии научных представлений о макроистории;
- в-четвертых, достаточно проблематичным является вопрос подбора критериев для составления исчерпывающей типологии метапаттернов;
- в-пятых, требует решения вопрос выявления, описания и систематизации транспарадигмальных компонентов частного уровня, составляющих исследовательские гештальты или метапаттерны;
- в-шестых, незатронутой остается проблема обнаружения механизмов и логики сопряжения транспарадигмальных компонентов частного уровня в системные образования;
- в-седьмых, необходимо увязать анализ всего комплекса транспарадигмальных компонентов процесса познания макроистории с парадигмальным подходом.

Приступая к анализу отмеченных направлений, следует отдельно отметить, что в настоящей статье, говоря об обозначении феномена целостных представлений о макроистории в качестве синонимов термину «метапаттерн» или близкими ему по смыслу, используются также термины и формулировки как «исследовательский гештальт», «тематический паттерн», «ноогенетический паттерн», «целостность устойчивых идей», «концептуальная модель истории», «структурная репрезентация базово-интуитивной идеи истории» и т.п.

Дело в том, что в области изучения процесса познания макроистории вопрос терминологического обозначения отмеченного феномена в силу своей относительной новизны и сложной междисциплинарной природы до сих пор однозначно не решен. Однако следует отметить, что термин «метапаттерн», предложенный П. К. Гречко, вполне подходит для того чтобы прочно закрепиться на категориальном уровне в обозначении указанного феномена. Хотя сам автор использует достаточно много эквивалентов данному термину, отмечая, что «Метапаттерны, фигуры, траектории – это все синонимы. Синонимы как вариации на тему картины целого истории или телеологической динамики мира социального» [10, с. 70].

Вопрос определения теоретико-методологических оснований изучения транспарадигмальных компонентов процесса познания макроистории в силу его сложности и неоднородности уместно разбить на две части, соответствующие мета- и частному уровням указанных компонентов, и рассмотреть в контексте анализа отмеченных проблемных блоков.

Итак, говоря о феномене метапаттернов, или исследовательских гештальтов, в познании макроистории, необходимо отметить, что данная проблема носит несколько более общий характер и выходит за рамки собственно макроисторической проблематики на уровень сущностных сторон ноогенеза как такового. Ведь, по сути, речь идет о фиксации неких «идейных целостностей», при помощи которых субъект воспринимает познаваемую реальность. Дело в том, что достаточно сформировавшийся интеллект способен воспринимать реальность и взаимодействовать с ней не иначе, как только через «целостности», так как фрагментарные представления о вмещающей реальности снижают эффективность адаптивных взаимодействий с ней. В основе данного свойства интеллекта лежит его коренная способность, пользуясь терминологией Ж. Пиаже, создавать «операциональные группировки» и, соответственно, «ноогенетические целостности». Исходя из отмеченных свойств интеллекта, уместно констатировать, что сам факт целостного «схватывания» реальности путем «паттернализации» различных идей и их сочетаний в «системные целостности» заложен в основе познавательного процесса на сущностном уровне.

Помимо работ Ж. Пиаже, теоретико-методологическую основу для изучения феномена ноогенетических целостностей, или паттернов, составляют исследования, относящиеся к области общей теории систем (ОТС) Л. фон Берталанфи, тектологии А. А. Богданова, кибернетики Н. Винера, синергетики Г. Хакена и теории диссипативных структур И. Р. Пригожина. Одним из направлений отмеченных исследований является поиск логики образования и развития сложных системных объектов различной природы, изучить и понять которые можно только в их единстве. В результате в контексте данного вопроса оформление получила идея «паттернов» – своеобразных «конфигураций», лежащих в основе образования систем. Так, по определению Ф. Капры «*Паттерн организации* любой системы, живой или неживой, – это конфигурация взаимоотношений между компонентами системы, определяющая существенные характеристики этой системы» [4, с. 176]. Согласно системно-синергетическим исследованиям, паттерны различного уровня сложности заложены практически во всех системных объектах. Однако паттерны организации невозможно увидеть в «чистом виде», их выявление представляет собой процесс долгого и кропотливого сопоставления систем одного порядка, реализующих тот или иной паттерн. Но именно через паттерны исследователь получает возможность разгадать природу той или иной системы.

Исходя из основных характеристик сложных системных объектов, открытых в названных областях знания, моделирование и изучение систем на уровне «паттернализации» фрагментарных знаний о реальности в ноогенетические целостности является вполне уместным.

Процесс построения ноогенетических паттернов в целом и метапаттернов истории в частности затрагивает сущностные вопросы работы интеллекта. В данном случае, с опорой на труды Ж. Пиаже, Т. Куна и К. Поппера уместно констатировать, что развитие интеллекта в процессе адаптации позволило человеку произвольно группировать интеллектуальные операции на основании определения «движений» («регулярностей», «повторов», «сходств») в широком пространственно-временном диапазоне, включая ценностно-смысловую составляющую. Так, познавая макроисторическую реальность, субъект в первую очередь определяет ее пространственные и временные рамки, а также выявляет «базовую» или наиболее очевидную «регулярность», соответствующую основным моделям или схемам истории. Далее происходит надделение полученной модели смыслом, который, по сути, выступает своеобразным идейным аттрактором, лежащим в основе общей макроисторической картины. Кроме того, субъект, познавая историческую реальность, так или иначе, выражает свое отношение к ней. Дело в том, что в силу специфики собственной природы человек не может познавать что-либо, игнорируя данный параметр познавательного процесса. Отмеченный параметр включает аксиологическую составляющую, сферу этического и эстетического, а также психоэмоциональное состояние субъекта, возникающее в отношении познаваемой реальности. Кроме того, весь процесс построения метапаттерна, согласно определенной внутренней логике, сопровождается «обрастанием» идеями частного уровня, что в итоге приводит к созданию целостной картины или «узора» макроистории.

Относительно вопроса выявления причин формирования, периодической реанимации и угасания метапаттернов в развитии научных представлений о макроистории следует отметить, что основу данного процесса составляет комплекс причин, однако наиболее очевидными являются внешние факторы, то есть изменения самой исторической реальности. По данному поводу П. К. Гречко отмечает, что «Историческая реальность является естественным основанием процесса формирования метапаттернов <...> она индуцирует их своей эволюционной диспозиционностью, своей открытостью различным познавательным перспективам и трактовкам...» [2, с. 24]. Так, соприкасаясь с исторической реальностью, субъект научился выделять ее

различные состояния, ориентируясь, как правило, на природно-климатические изменения, либо на изменения жизненно важных элементов реальности, либо на состояния культуры и общества. В результате, на протяжении истории познавательного процесса субъектом были сформированы соответствующие ноогенетические паттерны, лежащие в основе объяснения данных состояний. Отмеченные паттерны тесно связаны со сферой архетипического и «пробуждаются» в те моменты, когда историческая реальность принимают форму, породившую их. И как только субъект фиксирует очередную смену состояний исторической реальности, соответственно, происходит смена ноогенетических паттернов.

Далее следует рассмотреть проблему составления исчерпывающей типологии метапаттернов. Краеугольным вопросом в данном случае будет являться вопрос подбора типоразличительного признака, или «идеального типа», который бы максимально соответствовал задачам исследования феномена метапаттернов, поскольку, как отмечал создатель метода типологии М. Вебер, «В реальной действительности такой мысленный образ в его понятийной чистоте нигде эмпирически не обнаруживается; это – утопия» [1, с. 390]. Главная задача любых исследований социальной реальности, согласно мнению М. Вебера, состоит в том, чтобы в каждом отдельном случае установить, насколько действительность близка такому мысленному образу или далека от него.

Здесь уместно остановиться на общей проблематике метода типологии как такового. Дело в том, что в определенной степени любая, даже самая странная на первый взгляд, типология имеет право на существование, однако лишь некоторые бывают столь удачными, что их принятие научным сообществом принимает всеобщий и безусловный характер. Хрестоматийным примером в данном случае является наличие множества типологий в химии, начиная от деления элементов на «ядовитые – не ядовитые», «твердые – жидкие – газообразные» вещества и многие другие. Однако типология, предложенная Д. И. Менделеевым, является, безусловно, лучшей с точки зрения подбора типоразличительного критерия и, как следствие, наиболее эффективна в решении научных задач. К сожалению, приходится констатировать, что в случае с метапаттернами, или исследовательскими гештальтами, в области макроисторических исследований подобного рода «исчерпывающей типологии» до сих пор не найдено. Дело в том, что в настоящее время существует несколько способов построения типологий метапаттернов, однако ни один из них не доминирует над остальными, чтобы претендовать на безусловное лидерство и единодушное принятие научным сообществом.

В частности, наиболее распространенными являются типологизации метапаттернов или гештальтов по признаку используемых схем или моделей макроистории, а именно: циклической, линейной, волновой, разового жизненного цикла, разворачивающейся и сворачивающейся спирали истории, многовариативной, ризомной и др. Отмеченные типологии являются наиболее оптимальными, поскольку модели или схемы истории, отражая господствующую «регулярность», как бы обрастают частными тематическими структурами, образуя некий стержень макроисторической картины. Но в данном случае возникает опасность отождествления метапаттерна с самой моделью или схемой (т.е. с наиболее очевидной «регулярностью» макроисторических процессов), тогда как в случае с метапаттернами, в контексте отмеченной типологии, речь идет о фиксации принципа образования тематических целостностей на основании использования той или иной модели.

Помимо названной типологии возможно построение и других типологических рядов. В частности, достаточно простой и ясной является типология тематических целостностей, реанимируемых в макроисторических исследованиях в периоды исторической «стабильности» и «переходности» (в системно-синергетическом понимании отмеченных периодов истории). Метапаттерны стабильного и переходного времени имеют архетипическое происхождение, носят ярко выраженный дихотомичный характер и достаточно отчетливо проявляют себя на протяжении всей истории познавательного процесса.

Кроме того, фиксация тематических целостностей, лежащих в основе представлений о макроистории, возможна на уровне отдельных культур, поскольку каждая культура вырабатывает определенные коллективные представления о макроисторических процессах, интегрируя их в картину мира. В результате, сформировавшись на протяжении культурогенеза, метапаттерны различных культур закрепляются во многих сферах «тела культуры», вплоть до ментального уровня, и транслируются вместе с культурной идентичностью. Так же, как и в случае с локальными культурами, подобные изыскания возможны и на уровне отдельных культурных общностей, например: культуры Запада, Востока, Севера и Юга.

Достаточно состоятельным является построение типологии метапаттернов, лежащих в основе макроисторических представлений на уровне отдельных этносов. Следует отметить, что весомый и до конца не оцененный по достоинству вклад в изучение некоторых вопросов этнических представлений о макроистории внес Л. Н. Гумилев [3].

Еще одним примером построения типологии метапаттернов является их фиксация в различных мифологических комплексах, поскольку практически все известные мифологические комплексы, несмотря на их ненаучное происхождение, так или иначе, отражают целостные макроисторические представления. Помимо мифов, построение типологий подобного рода возможно и на уровне анализа макроисторических компонентов, содержащихся в мировых религиях. Следует отметить, что процесс выявления целостных представлений о макроистории в мифологических комплексах и мировых религиях требует учета специфики данных стадий развития сознания, однако в целом достаточно прост.

Также построение типологии метапаттернов возможно на основании использования авторских концепций, которые, возникнув на уровне сознания отдельного исследователя, обретают серьезный «научный вес». К таким концепциям уместно отнести теории К. Маркса, О. Шпенглера, А. Тойнби, К. Ясперса, Л. Н. Гумилева,

М. С. Кагана. Однако данный подход требует некоторой осторожности, поскольку авторских концепций, претендующих на создание новых или, по крайней мере, на достраивание существующих метапаттернов не так много.

И, наконец, вполне уместно создание типологии метапаттернов, опирающейся на глубинные механизмы работы сознания, в частности, на основании использования адаптивной концепции развития интеллекта, созданной Ж. Пиаже [7]. В результате на основании различных вариантов соотношения ассимиляции и аккомодации в адаптивном процессе возможна фиксация четырех метапаттернов, проявляющихся в процессе познания исторической реальности, а именно равновесия, опережения, отставания (кризиса) и переключения адаптивных структур.

Отмеченный типологический ряд можно продолжать достаточно долго, однако для иллюстрации многообразия вариантов построения типологий метапаттернов названного будет вполне достаточно.

Вопрос выявления, описания и систематизации транспарадигмальных компонентов частного уровня, составляющих исследовательские гештальты, или метапаттерны, решается в контексте теории «тематического анализа науки» Дж. Холтона [12]. С опорой на данную концепцию вполне уместно заключить, что метапаттерны состоят из «тематических структур» сознания, в основе которых лежат «устойчивые идеи», многократно возникавшие на протяжении истории познавательного процесса. Собственно, фактор устойчивости и является тем самым признаком, согласно которому фиксируются отмеченные структуры. По сути дела, тематическая структура – это пример постоянного проявления идей, присутствующих в археологических пластах сознания; это магистральная (или ноогенетическая) линия развития укоренившейся в сознании субъекта идеи, выражающей устойчивое понимание познаваемой реальности. Возникновение тематических структур вполне логично и во многом предопределено спецификой познаваемой реальности и самого сознания просто потому, что такова его природа. В результате, в процессе длительного взаимодействия субъекта с исторической реальностью был сформирован устойчивый набор тематических структур, отражающих ее различные грани.

Вопрос построения типологии тематических структур так же, как и в случае с метапаттернами, имеет множество вариантов. Однако наиболее оптимальным является построение типологии «тем» с опорой на основные параметры работы сознания в осмыслении исторической реальности. В результате тематические структуры уместно разбить на пять групп:

- темы, отражающие «базовые регулярности» (порядка и хаоса, циклическая, линейная, прогресса, регресса, сворачивающейся и разворачивающейся спирали, волновая и др.);
- иллюстрирующие восприятие времени (начала, конца, прошлого, настоящего, будущего и др.);
- характеризующие восприятие пространства (от локального до всеобщего);
- лежащие в основе поиска смысла истории (темы наличия и отсутствия смысла, фатализма, происхождения смысла извне или от человека, исполнителя смысла и т.д.);
- и, наконец, темы, выражающие отношение субъекта к исторической реальности («светлого будущего», «золотого века», «мессианства», «возрождения», «застоя», «конца света», «величия нации», «всепоглощающего хаоса» и т.д.).

Проблема обнаружения механизмов и логики сопряжения транспарадигмальных компонентов частного уровня в системные образования представляет собой достаточно перспективное направление. Разработка отмеченного вопроса позволяет выделить несколько аспектов логики сопряжения тематических структур в изучаемой сфере познания. Во-первых, тематические структуры, как правило, носят парный характер, состоящий из наличия темы и ее противоположной идеи, то есть «антитемы». Ноогенетическое развитие данных «тематических пар» строится по принципу поочередного доминирования противоположных тем. Во-вторых, существуют комплексные, как минимум триплетные темы, дающие несколько вариантов объяснения какого-либо элемента познаваемой реальности. В-третьих, среди различных тем существуют явные механизмы сопряжения. Иначе говоря, некоторые тематические структуры как бы «притягиваются», дополняя друг друга, а другие, напротив, вследствие явных противоречий «отталкиваются». В-четвертых, в зависимости от определенных тематических доминант, подчиненные темы перестраиваются, отражая характер господствующих тематических структур. В-пятых, логика реанимации и сопряжения тематических структур находятся в прямой зависимости от форм конкретно-исторической реальности, с которой взаимодействует субъект. В данном случае сама реальность провоцирует со стороны субъекта познавательную активность и создание тематических целостностей, дающих объяснение ее различным состояниям. На основании действия указанных аспектов в сознании субъекта формируются тематические единства, или паттерны, то есть комплексы сопряженных между собой тематических структур, дающих объяснение культурно-исторической реальности.

Относительно вопроса совмещения анализа всего комплекса транспарадигмальных или структурных компонентов процесса познания макроистории с парадигмальным анализом можно отметить, что применение отмеченных подходов в отдельности не дает исчерпывающей картины изучаемого ноогенеза. В частности, парадигмальный подход позволяет строить достаточно простые и ясные ноогенетические последовательности, олицетворяющие поэтапный качественный рост знания. Особенно хорошо данный подход проявляет себя в исследовании развития негуманитарного знания. Однако в отношении изучения ноогенезов в гуманитарной сфере применение данного подхода несет ряд упрощений, сводя сложное системное строение ноогенетических процессов к линейной цепочке локально взятых парадигм. Более того, использование парадигмального подхода нередко сопряжено с путаницей в обозначении как самих парадигм, так и

с хронологическими рамками их доминирования. А именно, довольно часто парадигмами называются не комплексы научных достижений, на некоторое время определяющих деятельность научного сообщества, а наиболее популярные модели и схемы истории, отдельные тематические структуры и даже авторские концепции, что не совсем корректно и вносит массу противоречий в парадигмальные исследования.

В свою очередь, структурный анализ ноогенетических процессов позволяет уйти от упрощенных, линейных трактовок развития научного знания. В такой ситуации перед исследователем открывается вся палитра сложного и многоуровневого строения процесса познания макроистории, насыщенного параллельным соразвитием и поочередным доминированием метапаттернов и тематических структур. Однако при таком подходе исследователь рискует «утонуть» в постоянном перебирании принципиально несравнимых гештальтов и сложных сплетений устойчивых идей, во имя фиксации их многообразия и несоотнесенности друг с другом. Отмеченный подход не дает ответа на следующие вопросы: как сравнивать то, что, по сути, несравнимо, а предпочитается и параллельно сосуществует? Какой познавательный смысл имеет фиксация многообразия ноогенетических структур и как при таком подходе «измерять» факторы роста знания? В данном случае создается опасность скатиться в сферу научного анархизма, где практически любой, даже самый абсурдный, способ объяснения макроистории будет учитываться и считаться по-своему «истинным». Данные обстоятельства делают необходимым соотнесение наработок в области транспарадигмальных исследований с парадигмальным процессом и критериями роста знания, поскольку «интеллектуальный фон» научных парадигм оказывает вполне отчетливое влияние на существующие ноогенетические структуры, определенным образом упорядочивая их.

Таким образом, каждый из отмеченных подходов при всех своих преимуществах имеет и некоторые ограничения, позволяющие изучать лишь часть ноогенетических процессов. Соответственно, совместное применение парадигмального и структурного подходов, а также их дальнейшее теоретико-методологическое совершенствование, будучи эвристически оправданным и перспективным, позволит смягчить существующие противоречия в изучении процесса познания макроистории.

Список литературы

1. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдовой; предисл. П. П. Гайденко; коммент. А. Ф. Филиппова. М.: Прогресс, 1990. 804 с.
2. Гречко П. К. Концептуальные модели истории: пособие для студентов. М.: Логос, 1995. 144 с.
3. Гумилев Л. Н. Этнос и категория времени // Доклады отделений и комиссий географического общества СССР. Л., 1970. Вып. 15. Этнография. С. 143-157.
4. Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем / пер. с англ.; под ред. В. Г. Трилиса. Киев – М.: София; Гелиос, 2002. 336 с.
5. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ.; сост. В. Ю. Кузнецов. М.: АСТ, 2003. 605 с.
6. Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки / пер. с англ. И. Н. Веселовского, А. Л. Никифорова, В. Н. Поруса. М.: Академический Проект; Трикста, 2008. 475 с.
7. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. Психология интеллекта. Генезис числа у ребенка. Логика и психология. М.: Просвещение, 1969. 659 с.
8. Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы / пер. с англ.; сост., общ. ред. и вступ. статья д.ф.н. В. Н. Садовского. М.: Прогресс, 1983. 605 с.
9. Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. 800 с.
10. Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы / под общ. ред. П. К. Гречко, Е. М. Курмелевой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 440 с.
11. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки / пер. с англ. и нем.; общ. ред. и авт. вступ. ст. И. С. Нарский. М.: Прогресс, 1986. 542 с.
12. Холтон Дж. Тематический анализ науки / пер. с англ. М.: Прогресс, 1981. 383 с.
13. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: гештальт и действительность / пер. с нем.; вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М.: Эксмо, 2006. 800 с.

BASIC COMPONENTS AND FORMS OF MACRO-HISTORY COGNITION PROCESS REALIZATION

Ivan Vladimirovich Leonov, Ph. D. in Culturology

Department of Culture Theory and History

Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen in St. Petersburg

ivaleon@mail.ru

The author studies the essential aspects of macro-history cognition process, presents the categorial analysis and general characteristics of macro-historical problematic, presents its brief historiographical review in the context of paradigm approach, considers the question of the identification, study and systematization of the trans-paradigm components of the mentioned noogenesis at the level of “research gestalts” and “meta-patterns” as well as the private level components, which include “stable ideas” that form the “thematic structures” of consciousness, and searches for the logic of “thematic adjunctions” formation in the course of history meta-patterns formation.

Key words and phrases: noogenesis; consciousness; intellect; paradigm; gestalt; noogenetic pattern; meta-pattern; thematic structure.